
ПОЭТИКА И СЕМАНТИКА ТЕКСТА

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ДИСКУРСА СМЕРДЯКОВА (по роману Ф.М.Достоевского «Братья Карамазов»)

Е.Г. Луговская

Кафедра функциональной лингвистики
Приднестровский государственный университет
ул. 25 Октября, 128, MD-3300, Тирасполь, Приднестровье

В статье рассматриваются фонетические особенности речи Смердякова, которые обусловлены экстралингвистическими факторами, в частности его статусно-ролевой характеристикой *лакея*.

Все анализируемые тексты, входящие в дискурс Смердякова, относятся к разговорной речи, которая реализуется спонтанно, как правило, без предварительного обдумывания, в неофициальной обстановке при непосредственном контакте партнеров общения. Социальный статус Смердякова обуславливает структуру речевых оппозиций, а существование макроинтенции Смердякова изменить свой статус слуги во многом предопределяет стратегию его поведения в коммуникации. Все тексты дискурса Смердякова представляют собой диалоговые взаимодействия, функционирующие в бытовой сфере. Перечисленные критерии так или иначе влияют на фонетические особенности речи исследуемой языковой личности, специфика же анализа состоит в том, что личность эта представляет собой художественный образ, поэтому любая особенность может трактоваться как заданная, а ее интерпретация — как эстетически значимая для понимания и самого образа, и его места в структуре художественных образов романа.

Поскольку дискурс Смердякова представлен в основном диалогами, в структуре авторской речи к ним широко используются глаголы речи. Семантическая группа с опорным глаголом *говорить* включает различные глаголы, которые используются для характеристики процесса речи, обозначения социального статуса языковой личности, выражения эмоционального настроения говорящего.

Для описания особенностей говорения Смердякова отметим глаголы речи, используемые автором в ремарках к репликам Смердякова: нами было выявлено всего 64 лексемы. Из них мы выделили: лексемы со значением говорения

(в том числе лексем с корнем *говор* — 20; лексем с другими корнями — 15); экспрессивно окрашенные лексемы речи с точки зрения четкости речи (в том числе лексем с семантикой '*невнятная речь*' — 7; лексем с корнем *шепот* — 1); другие глаголы в функции глаголов речи — 17; приставочных лексем (в том числе лексем с приставкой *про* — 31); бесприставочных лексем — 4.

Распределение по семантическим группам глаголов речи и других глаголов, используемых в их роли, выглядит следующим образом: глаголы со значением факта речевого действия: *проговорил, произнес, прошамкал, прошептал, пробормотал, промямлил, пролепетал, протянул, заметил, решил*; начала речевого действия: *заговорил*; продолжения высказывания: *продолжал, тянул, подхватил, прибавил, надумался, начал вновь*; ответа: *ответил (не отвечал), отрезал, отразил, отпарировал*; вопроса: *спросил, полюбобытствовал*; с дополнительным жестовым движением: *потупился, пригласил, позволил*; с дополнительным указанием на качество речи: *прошамкал, прошептал, пробормотал, промямлил, пролепетал, протянул, выговорил, отрезал, отразил, отпарировал*.

Для обозначения факта говорения своего персонажа автор использует огромное разнообразие как глаголов речи, так и других глаголов в их роли. Отсутствие экспрессивной окрашенности у половины из них (36 из 64) связано с основными характеристиками речевого поведения Смердякова — сдержанностью, неторопливостью, спокойствием. Использование в основном приставочных глаголов связано, в первую очередь, с видовременной характеристикой этих глагольных форм — повествование ведется от третьего лица (рассказчика) в прошедшем времени, а также с особенностями самих глагольных форм, выбранных автором для описания речевых действий Смердякова. Наибольшей частотностью употребления отличается приставка *про-* в таких словах, как *проговорил, произнес, прошамкал, прошептал, пробормотал, промямлил, пролепетал, протянул* и др., в которые эта приставка привносит дополнительное значение протяженности, продолжительности, растянутости и в то же время тщательности речевого действия. Этот дополнительный оттенок значения усиливается постоянным повторением морфемы *про-* в ремарках автора к репликам Смердякова и использованием в них наречий образа действия с той же семантикой: *не спеша, рассудительно, твердо, отдельно, спокойно*.

Необходимо подчеркнуть преобладание глаголов со значением факта речевой деятельности над всеми другими глаголами и отсутствие глаголов, обозначающих конец речевого действия. Только одна лексема (*заговорил вдруг громко и неожиданно*) имеет семантику начала речевого действия и относится действительно к самому началу говорения Смердякова в романе: *У нас валаамова ослица заговорила, да как говорит-то, как говорит!* [2. С. 108]. Глаголы с семантикой ответа оппоненту выделяются своей экспрессивностью: *отрезал, отразил, отпарировал, не удостоил ответить, не отвечал* — и отрицательной оценочностью, указывающей на высокомерно-пренебрежительное отношение Смердякова к собеседнику. Еще меньше лексем со значением вопроса, и хотя вопросительных конструкций в речи Смердякова немало (около 80 предложений, обозначенных

вопросительным знаком), в основном это риторические вопросы, которые Смердяков использует как средство построения риторической аргументации: *Смердяков все выпрашивал, задавал какие-то косвенные, очевидно надуманные вопросы, но для чего — не объяснял того, и обыкновенно в самую горячую минуту своих же расспросов вдруг умолкал или переходил совсем на иное* [2. С. 229].

Немногочисленность глаголов с указанием на жестовое движение, сопровождающее высказывание Смердякова, связана с тем, что, во-первых, можно отметить скупость жестикуляции Смердякова, что вполне соотносится с манерой его поведения, а во-вторых, если это необходимо, автор достаточно тщательно описывает жесты и мимику Смердякова во время говорения в ремарках, используя деепричастные обороты или даже сложные конструкции.

Лексемы с дополнительным указанием на качество речи: *прошамкал, прошептал, пробормотал, промямлил, пролетел, протянул, выговорил, отрезал, отразил, отпарировал* не характеризуют орфоэпические особенности говорения Смердякова, а несут с собой указания на эмоциональное состояние говорящего в конкретный момент речи, в результате которого речевой тон изменяется, и речь Смердякова становится менее разборчивой, или наоборот, акцентированной и резкой.

Подчеркнутых автором фонетических особенностей произношения Смердякова немного, и все они стилистически обусловлены: тексты дискурса Смердякова относятся к разговорной речи. Особого внимания заслуживает, пожалуй, *словоерс*, то есть формант *-с*, в который в русском языке 18—19 вв. превратился апеллатив *сударь*. Из всех персонажей романа этот формант в своей речи использует только Смердяков с большей или меньшей степенью интенсивности, которая зависит как от экстралингвистических причин (образ оппонента, характер коммуникации), так и от собственно лингвистических (синтагматическое членение фразы, интонирование высказывания). Остановимся на анализе этих причин подробнее.

Смердяков, по замыслу автора, выступает в романе в социальном статусе слуги, лакея, и это, как отмечают литературоведы, не просто его роль, это его жизненная позиция, его суть. Одним из языковых экспликаторов этого феномена и является формант *-с*, который Смердяков использует во всех коммуникативных актах.

Речевая оппозиция	Общее количество слов, сказанных Смердяковым	Количество употреблений форманта -с	Процентное соотношение, %
Смердяков-Григорий (Федор Павлович)	1 080	25	2,3
Смердяков-Марья Кондратьевна	573	25	4,4
Смердяков-Алеша	317 (51) (266)	17 (1) (16)	5,4 (2) (6,0)
Смердяков-Иван (до убийства)	1 690	106	6,3
Смердяков-Иван (1 свидание)	935	51	5,5
Смердяков-Иван (2 свидание)	756	41	5,4
Смердяков-Иван (3 свидание)	2 593	118	4,5
Всего	7 944	383	4,8

Как видно из приведенной таблицы, наименьшая частотность употребления словоерса относится к фрагменту дискурса Смердякова, в котором он *самодовольно-доктринерским тоном* излагал свою точку зрения на вопросы веры, обращаясь к Григорию Васильевичу, к которому, и к жене его, бывшим *благодетелями его детства, он был непочтителен* (как верно подметил в своей речи на суде защитник).

Невысокая частотность употребления форманта *-с* отличает и речевое взаимодействие Смердякова с Марьей Кондратьевной, что также обусловлено статусом Смердякова в этой оппозиции. Интересно, что *словоерс*, напротив, появляется в речи Марьи Кондратьевны в разговоре с Иваном Федоровичем, пришедшим к Смердякову, и такое речевое поведение может быть объяснено словами автора: *В одной избе поместилась Марья Кондратьевна с матерью, а в другой Смердяков, особливо. Бог знает на каких основаниях он у них поселился: даром ли проживал или за деньги? Впоследствии полагали, что поселился он у них в качестве жениха Марьи Кондратьевны и проживал пока даром. И мать, и дочь его очень уважали и смотрели на него как на высшего пред ними человека* [2. С. 524] (выделено нами — *Е.Л.*).

Пик частотности употребления *словоерса* приходится на кульминационную сцену сюжетного развития романа — разговор Смердякова с Иваном накануне убийства, когда Смердяков *остановил Ивана тогда, как ... входили в ворота, чтобы ... на этом самом пункте испытать-с./ — А вот именно это самое обстоятельство: хочется иль не хочется вам, чтобы ваш родитель был поскорее убит* [2. С. 518], в котором Смердяков представал в роли *только приспешника, слуги Личарды верного*.

В дальнейших фрагментах происходит только снижение количества употреблений форманта *-с*, что связано с изменением в поведении Смердякова в ситуациях общения с Иваном, который, хотя и теперь, после убийства, является *главным* (выделено нами. — *Е.Л.*) *убийцем*, все-таки, по мнению Смердякова, заслуживает *неожиданного тона, совсем какого-то небывало высокомерного, с которым этот бывший его лакей обращался теперь к нему*.

По отношению к среднему показателю частотности употребления Смердяковым словоерса отметим его превышение в оппозиции Смердяков-Иван, причем только в тех фрагментах, когда Смердяков абсолютно уверен, что Иван является его сознательным сообщником, а значит, и свидетелем, от поступков которого зависит дальнейшая судьба Смердякова; и только в последнем свидании, когда Смердяков уже решил покончить жизнь самоубийством, частотный показатель употребления форманта *-с* ниже среднего, что связано со своеобразным освобождением Смердякова от всякой зависимости.

Общий показатель частотности употребления словоерса Смердяковым в разговоре с Алешей превышает среднее значение, но если рассмотреть эту коммуникацию в два шага: первый (51 слово) шаг, в котором Смердяков, не зная, что Алеше известны его взаимоотношения с Дмитрием, не только не выказывает своего почтения сыну своего барина, но, напротив, ведет себя высокомерно-прене-

брежительно, на что указывают ремарки автора *Смердяков медленно приподнялся со скамейки; отдельно и пренебрежительно ответил Смердяков; Смердяков медленно и невозмутимо вскинул на него глазами; спросил, пристально смотря на Алешу;* и второй (266 слов) шаг, отмеченный и авторской ремаркой *начал вновь Смердяков*, в котором Смердяков жалуется Алеше на притеснения Дмитрия: *боюсь я их очень-с; ибо ни за что убьют-с*, максимально выражая в своей речи позицию починенного (*Иван Федорович чем свет сегодня послали меня к ним (К Дмитрию Федоровичу) на квартиру в ихнюю Озерную улицу... Я пошел-с*), запуганного (*Два раза грозили мне даже смертью; не быть тебе первому живу*), то можно отдельно выделить очень низкий (ниже даже, чем в оппозиции Смердяков-Григорий) показатель частотности употребления словоерса в оппозиции Смердяков-Алеша, указывающий на то, что *Алешку он презирает*; и, наоборот, очень высокий показатель частотности употребления форманта -с (6%) для представления перед Алешей *слуги Личарды верного*.

Как мы уже отметили, *словоерс* используется Смердяковым в качестве указателя синтагматического членения фразы и интонирования высказывания: с помощью форманта -с Смердяков акцентирует внимание слушателя на тех или иных словах и словосочетаниях (*а все же никакого и тут специального греха не было-с, а коли был грешок, то самый обыкновенный весьма-с; то коли так-с, коли все остальные выходят неверующие, то неужели же всех сих остальных, то есть население всей земли-с; Это чтобы стих-с, то это существенный вздор-с; ничего-то ровно после смерти родителя не останется, ни рубля-с; Пусть этим всем моим словам, что вам теперь говорил, в суде не поверят-с, зато в публике поверят-с, и вам стыдно станет-с*); обозначает конец высказывания (*Вы переждите, Григорий Васильевич, хотя бы даже самое малое время-с, и прослушайте дальше, потому что я всего не окончил. Потому в самое то время, как я богом стану немедленно проклят-с, в самый, тот самый высший момент-с, я уже стал все равно как бы иноязычником, и крещение мое с меня снимается и ни во что вменяется, — так ли хоть это-с? А потому, на милость господню уповая, питаюсь надеждой, что и совсем прощен буду-с; Зачем вы, сударь, в Чермашню не едете-с? Так и записали-с, что беспрерывно этому так и надо произойти, от единого то есть моего страху-с*), причем Смердяков, как правило, чаще использует *словоерс* в высказываниях, которые сам считает аксиоматическими, или считает тему разговора исчерпанной (*А когда я сам в припадке буду лежать-с, как же я тогда не пушу-с, если б я даже и мог осмелиться их не пустить-с, зная их столь отчаянными-с; В погреб надлежало и без того идти-с, в день по несколько даже раз-с; Ну, была, ну и все вам равно. Отстаньте-с; Стихи вздор-с*). Если же мысль, которую он озвучивает, требует достаточно пространного доказательства, то Смердяков не прерывает ее словоерсами, обозначая только конец развертывания мысли (*Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с; Ничего я про ихнее пребывание не знаю, да и знать не желаю-с*); не использует Смердяков *словоерса* и в высказывани-

ях, претендующих на откровенность (*Сами, кажись, больны, ишь осунулись, лица на вас нет; А чего у вас глаза пожелтели, совсем белки желтые. Мучаетесь, что ли, очень?*), то есть в тех случаях, когда статусно обусловленная почтительность неуместна, либо в тех случаях, когда статусно обусловленная почтительность, например в оппозиции Смердяков-Алеша, неприемлема для Смердякова (*Почему ж бы я мог быть известен про Дмитрия Федоровича; другое дело, кабы я при них сторожем состоял; А вы как изволили на сей раз пройти, так как ворота здешние уж час как на щеколду затворены*).

Таким образом, формант *-с* в речи Смердякова выступает не только как отличительная особенность лакейского дискурса, но и как индикатор его отношения к оппоненту и высказываемому.

Особенности акцентологического порядка в речи Смердякова эксплицированы на синтаксическом уровне: они заключаются в специфическом построении высказываний и могут быть рассмотрены в грамматиконе.

Для анализа интонационных особенностей его речи необходимо остановиться на следующих авторских ремарках: а) ремарки, указывающие на темп и ритм речи: *спокойно и сдержанно, ровно и степенно, тихо, отдельно и пренебрежительно; солидно заметил; выговорил он неторопливо; проговорил он, наконец, не спеша; проговорил он вдруг твердо и отдельно; с педантским спокойствием тянул; чрезвычайно спокойно и с замечательной отчетливостью изъяснил; проговорил все так же спокойно; не спеша протянул; твердо произнес; твердо ответил; по обычаю своему сдержанно и мерно; не спеша и обладая собою; протянул укоризненно*; б) ремарки, указывающие на способ заполнения пауз: *не удостоил ответить; прибавил, помолчав; солидно помолчал; помолчал; длинно помолчал; молчал; тихо помолчал и вдруг, как бы сообразив, прибавил; помолчал, как бы вдумываясь; решил он, наконец, безапелляционно; опять подхватил*; в) ремарки, указывающие на высоту тона и силу звучания речи: *прошамкал; тихо и рассудительно изъяснил; пробормотал, точно шепотом; точно как бы потерявшись; пробормотал уже пресекившись голосом; промямлил; но уж в голосе его послышалось нечто твердое и настойчивое; твердо и убежденно решил опять; злобное и нагловывывающее; настойчивый, наглый тон; яростно прошептал он ему; пролепетал недоверчиво; проговорил, наконец, слабым голосом; пролепетал, дивясь; дрожащим голосом проговорил; прошептал; вдруг странно проговорил*. Семантическое поле лексем с семантикой темпоритмической организации речи Смердякова составляют, с одной стороны, семы *спокойно, сдержанно, ровно, степенно, отдельно, неторопливо, не спеша, отчетливо, мерно, обладая собою*; а с другой — семы *твердо, солидно*; в контексте которых переосмыслиется и значение первой выделенной группы. Анализ синонимических рядов позволяет сделать вывод о том, что главной характеристикой речи Смердякова с точки зрения ее ритмико-мелодической организации является ее неторопливость, размеренность, обусловленная характеризующей линией поведения Смердякова значительностью и важностью. Лексемы *пренебрежительно, укоризненно* с семантикой *'высокомерно, без уважения и внимания, с укором, порицанием, неодобре-*

нием, осуждением» заставляют переосмыслить причины такой линии поведения Смердякова: значительность в поведении Смердякова обусловлена не уравновешенностью его характера, а проявлением скрытых интенций.

Таким образом, темпоритм речи Смердякова можно охарактеризовать как спокойный, размеренно-неторопливый, что обусловлено проявлением таких характеристик его линии поведения, как сдержанность, важность, высокомерие.

Ремарки, указывающие на способ заполнения пауз, позволяют сделать два важных замечания. Во-первых, Смердяков всегда с особой тщательностью обдумывает свои реплики и стратегию поведения в коммуникативном акте, отсюда — паузы молчания, во-вторых, молчание Смердяков использует как важный прием осуществления тактики определения ролей в разговоре и, шире, социально-ролевых отношений.

Сила звучания речи Смердякова, составляющая ее динамику и связанная с передачей его определенных чувств, настроений, мыслей, может быть охарактеризована как средняя, с тенденцией к ослаблению звучания. Смердяков никогда не повышает голоса, единственная ремарка автора, содержащая наречие *громко*, относится к самой первой реплике Смердякова (*заговорил вдруг громко и неожиданно*), а слова *вдруг* и *неожиданно* подчеркивают необычность такого поведения Смердякова, больше в романе автор нигде не указывает на отклонение от спокойного тона Смердякова в сторону его повышения, даже ярость его «тихая».

О тембре голоса, связанном с особенностями устройства речевого аппарата Смердякова, мы узнаем через восприятие Алеши, который оказался невольным слушателем беседы Смердякова с Марьей Кондратьевной (*Один мужской голос запел сладенькой фистулой куплет, аккомпанируя себе на гитаре. Голос остановился. Лакейский тенор и выверт песни лакейский* [2. С. 192]). В этом фрагменте показательным является практически каждое слово, относящееся к характеристике голоса Смердякова. Тот факт, что описание звучащего голоса дается без указания на личность его хозяина, не только позволяет дать объективную характеристику и голоса, и характера его обладателя, но и подготавливает восприятие читателя к адекватной интерпретации определения *лакейский*. Посредством суффикса субъективной оценки *-еньк-* в слове *сладенький* выражаются разные стилистические оттенки: это и уменьшительность, указывающая на то, что голосок тоненький (фальцет), что противоречит видовому определению «мужской», а также и эмоционально-экспрессивная неодобрительность. Особенности контекстуального употребления определения *сладенький* — метафоричность употребления, использование скрытой катахрезы (*сладенький мужской голос*) — поддерживаются и усиливаются повтором определения *лакейский*. Рамочная конструкция предложения *Лакейский тенор и выверт песни лакейский* максимально выделяет определение, а сочетание притяжательного прилагательного со значением единичной принадлежности с абстрактным существительным заставляет воспринимать прилагательное-определение в общем значении качественной характеристики, в которой лексема *лакейский* приобретает презрительную коннотацию, подерживаемую и разговорным *выверт*. Емкая объективная характеристика голоса

Смердякова позволяет узнать и о природных особенностях его тембра (*тенор*), и ярко характеризует манеру его говорения, которая, в конечном счете, является проявлением черт характера и линии поведения этого персонажа, и выделить *лакейство* как ключевое слово для понимания образа.

Таким образом, анализ глаголов речевой деятельности и других глаголов в таком значении, использованных автором в ремарках к высказываниям Смердякова, их контекстного окружения, анализ фоностилистических особенностей речи Смердякова позволяет утверждать: речевая характеристика Смердякова свидетельствует о том, что перед нами высокомерная и расчетливая по своей сути, но сдержанная и рассудительная внешне языковая личность. Такая линия речевого поведения Смердякова обусловлена его статусно-ролевой характеристикой *лакея*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
[2] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. — Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1984.

PHONETIC AND STYLISTICS DATABASE OF SMERDYAKOV'S DISCOURSE

H.G. Lugowska

Functional linguistics' department
Pridnestrovskij State University
25 Oktyabrya, 128, MD-3300, Tiraspol, Pridnestrovje

Various peculiarities of phonetic analysis in communicative stylistics of text are disclosed in the present report. The subject of the report is the experience of the examination of the oral speech of Smerdyakov. The article contains the results of research of phonetic database of Smerdyakov along with the influence of his social status.